

Можно ли наблюдать общество в его тотальности? Никлас Луман как Персей и Медуза Горгона как общество

АЛЕКСАНДР Ю. АНТОНОВСКИЙ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-4209-8213

Рекомендация для цитирования:

Антоновский А. Ю. (2024) Можно ли наблюдать общество в его тотальности? Никлас Луман как Персей и Медуза Горгона как общество. *Социология власти*, 36 (4): 207-217
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-4-207-217>

For citation:

Antonovskiy A. Yu. (2024) Is It Possible to Observe Society in Its Totality? Niklas Luhmann as Perseus and Medusa as Society. *Sociology of Power*, 36 (4): 207-217
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-4-207-217>

Поступила в редакцию: 20.10.2024; прошла рецензирование:

01.12.2024; принята в печать:

06.12.2024

Received: 20.10.2024; Revised:

01.12.2024; Accepted: 06.12.2024

© 2024 by the author.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

В статье ставится вопрос о теоретико-познавательных основаниях социологического наблюдения в системно-коммуникативной теории Никласа Лумана. Наблюдение общества в его целостности возможно лишь изнутри него самого, и значит, его наблюдатель (социолог, художник, литератор, морализатор, политик или участник социального движения) непременно включен в сам наблюдаемый объект. Это обстоятельство порождает парадокс самоприменимости или самореферентности в их социальной спецификации, поскольку обобщающие высказывания об обществе, если они претендуют на универсальность описания, всегда применимы и к самим высказываниям. Обосновывается, что парадоксы самоприменимости и самореферентности, не получая своего разрешения, все-таки перформативно реализуются, как в самой социальной реальности, так и в ее теоретическом представлении, и обеспечивают рефлексию системы и возможность сравнения собственных ресурсов наблюдения со способами наблюдения сопредельных коммуникативных систем. Следуя логике самонаблюдения, социальная теория дополняется самореферентным

207

Статья написана при поддержке Российского научного фонда, грант № 24-18-00440 «Анализ социальной каузальности и инвариантов общественного развития как метод преодоления фрагментации социально-философского познания».

Acknowledgements: The article was written with the support of the Russian Science Foundation, grant No. 24-18-00440 "Analysis of social causality and invariants of social development as a method of overcoming the fragmentation of social and philosophical knowledge".

теоретическим комплексом (поддисциплиной), получившим название «Самоописания» (пятая книга фундаментального труда Н. Лумана «Общества общества»). Эта добавочная теория специализируется на реконструкции семантики понятия общества, на том, как общество — в своих коммуникациях, религии, массмедиа, искусстве, политике, но сегодня прежде всего в оптике науки — смотрит на само себя. Такое включение в корпус социальной теории «Самоописания» («сфенографии», «сценоописания»), как ее интегральной и соравноправной части с функцией описания становления, семантики и ресурсов самой теории общества, стало важной теоретической новацией.

Ключевые слова: наблюдение второго порядка, Никлас Луман, системно-коммуникативный подход, сценоописание, медиакоммуникации, самоописание

Is It Possible to Observe Society in Its Totality? Niklas Luhmann as Perseus and Medusa as Society

Alexander Yu. Antonovski

M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-4209-8213

208

The article raises the question of the theoretical and cognitive foundations of sociological observation in the system-communication theory of Niklas Luhmann. Observation of society in its entirety is possible only from within itself, and therefore its observer (sociologist, artist, writer, moralist, politician or participant in a social movement) is necessarily included in the observed object itself. This circumstance gives rise to the paradox of self-applicability or self-reference in their social specification, since generalizing statements about society, if they claim to be universal in description, are always applicable to the statements themselves. It is substantiated that the paradoxes of self-applicability and self-reference, without receiving their resolution, are nevertheless performatively realized both in social reality itself and in its theoretical representation, and ensure the function of the social system — reflection of the system and the possibility of comparing one's own observation resources with the methods of observation of adjacent communication systems. Following logic of self-observation, social theory is supplemented by a self-referential theoretical complex (sub-discipline), called "Self-Descriptions" (the fifth book of N. Luhmann's fundamental work "Societies of Society"). This additional theory specializes in reconstructing the semantics of the concept of society, how society — in its communications, religion, mass media, art, politics, but today primarily in the optics of science — looked and looks at itself. Such inclusion of "Self-Description" ("shorthand", "scene description") in the corpus of social theory, as its integral and equal part with the function of describing the formation, semantics and theoretical resources of the theory of society itself, has become an important theoretical innovation in the field of social theory.

Keywords: second-order observation, Niklas Luhmann, systems-communication approach, scene description, media communications, self-description

Парадоксы самореференции и теория общества

Можем ли мы наблюдать общество в его тотальности? К каким парадоксам это приводит и как социальному познанию с этим работать — вот главные теоретико-познавательные вопросы работы Никласа Лумана «Сфенография»¹, анализу которой и посвящена наша статья.

Наблюдение общества в его целостности возможно лишь изнутри него самого. Общество наблюдает общество². И значит, его наблюдатель (социолог, художник, литератор, морализатор, политик или участник социального движения) всегда включен в наблюдаемый объект. Это обстоятельство порождает парадокс самоприменимости или самореферентности в их социальной спецификации. Ведь обобщающие высказывания об обществе, если они претендуют на *универсальность* описания социальной реальности, всегда применимы и к самим высказываниям.

Этот тип парадоксов известен с античности («критянин сказал, что все критяне лгут»). Если высказывание истинно, то оно, очевидно, ложно. В XX веке благодаря исследованиям Бертрانا Рассела выяснилось, что данный парадокс актуален не только в контексте теории истины, но имеет фундаментальное значение для математики и логики, основанных на теории множеств³. Однако его первичный социально-теоретический смысл — общественного самоописания — не получал должного рассмотрения.

Парадокс Рассела, как известно, возникает из вопроса о свойствах *множеств всех множеств*. Являются ли они самосодержащими или обычными? Если множество является обычным и себя не содержит (подобно тому, как множество чайных ложек не содержит себя, ведь оно не ложка), то оно должно включать в том числе и себя,

- 1 В комментируемом тексте Луман в эссеистическо-метафорической форме предлагает нам взглянуть на собственную методологию и эпистемологию, которую он вписывает в более широкую методологию конструктивистски ориентированной теории систем второго порядка. Такие системы называют самореферентными. Это, среди прочего, означает, что все утверждения, сделанные в теории систем второго порядка, являются утверждениями наблюдателя, который, в свою очередь, является системой и поэтому должен учитывать собственные системные качества.
- 2 Конечно, и сознание обладает этой способностью, но рассказать о своих наблюдениях оно может только коммуникативно, т. е. в виде сообщения, а значит, в форме общества.
- 3 «Это древняя загадка, и никто не относился к подобным вещам иначе как к шутке, пока не выяснилось, что она связана с такими важными и практическими проблемами, как, например, существует ли наибольшее кардинальное или порядковое число» [Russell 1919].

и значит, быть самосодержащим. В этом смысле Рассел первый посмотрел в глаза Медузе Горгоне, впал в оцепенение и в конечном счете воздвиг «памятник самому себе» в борьбе с этим «злом». Ведь теперь оказалось, что математика, как «язык, на котором написана Вселенная» (Галилей), а значит — все здание науки, подрывается парадоксом. Но как тогда возможна наука, описывающая мир на «языке математики»? Где искать ее основание?

Именно этот парадокс перформативно реализован в теории Лумана. Общество как охватывающее множество коммуникаций включает в себя другие множества коммуникаций (интеракции, организации, социальные движения, но также включает в себя и *само себя* как одно из множеств наряду с перечисленными).

Сам Луман на своих лекциях приводил «облегченную» версию этого парадокса самореференции, приводя пример с телефоном, на котором написано: «в случае поломки звоните по номеру...». Каков же рецепт разрешения такого рода парадоксов?

«Различай» («draw distinction» — Дж. Спенсер-Браун) — вот естественная инструкция в борьбе с парадоксами, не важно, идет ли речь о различении работающих и не работающих телефонов или о различениях уровней языка, к чему в конечном счете пришел Б. Рассел в своей «теории типов». Данное понятие «различения» как способа работы с парадоксами формализует Джордж Спенсер-Браун в работе «Законы формы» [Spencer-Brown 2008 (1969)], которые стали методологическим основанием теории наблюдения в версии Никласа Лумана. В свою очередь, понятие наблюдения имеет ключевое значение для понимания его теории коммуникаций.

Наблюдение — в форме коммуникации либо в переживаниях психической системы — определяется как процесс одновременного обозначения и различения, индикации через дистинкции. Не только сознание, но и коммуникация осуществляет наблюдение. Коммуникативное сообщение нечто *обозначает*, представляет *тему* сообщения, *релевантного* в бинарной оптике системы, различающей между собой и внешним миром.

Так, науке интересны научные темы, а политике — политические. Это и обеспечивает рекурсивные подсоединения новых сообщений (событий-элементов, встраивающихся и продолжающих системобразование). Речь может идти о типичных системных операциях: платежах в экономике, общеобязательных решениях в политике, научных высказываниях в системе науки. Но актуализация некоторого сообщения и его акцептация как *принадлежащего* некоторой данной системе возможна лишь через *различение* (через отклонение всего, что к теме не относится, а значит, и систему не образует). Так в науке осуществляется демаркация научных сообщений от всего, что не удовлетворяет критериям научности — сегодня главным об-

разом через принятие рукописей в журналы, т. е. через формализованную процедуру акцептации/отклонения.

Но все ли можно наблюдать с помощью различий? Как быть с такими объектами, как *мир*, *смысл* или *общество*? Ведь мир не отличить от чего-то внешнего, к миру не относящегося. Но и *смысл* как таковой в его понятийности нельзя отличить от бессмысленного, ведь и бессмысленное имеет свой смысл, а именно — смысл бессмысленного. А главное, как наблюдать и описывать общество? Ведь *наблюдение* той или иной коммуникации, ее обозначение в сообщении, и само — как коммуникативное сообщение — воплощает собой общество. И значит — имеет своим референтом и само это сообщение. Общество изменяется в самый момент его наблюдения, ведь к нему как объекту наблюдения добавляется новая операция, его наблюдение, и в этом смысле — оно уже ускользнуло от наблюдателя, от вынесенного по поводу него сообщения.

В квантовой физике понимание инструментально-трансформирующего характера наблюдения давно стало обыденностью. Но и социальные науки не являются исключением из этого правила.

Наблюдение второго порядка и щит Персея

211

«У человека есть выбор, считать ли ему что-либо истинным/неистинным, войной/миром, женщиной/мужчиной, добром/злом, спасением/гибелью и т. д., но если он выбирает одно или другое различие, у него больше нет возможности увидеть это различие как некое единство, как форму, *разве что с помощью другого различия*, т. е. уже как другой наблюдатель. В свою очередь, применение к себе подобного различия также не работает. Напротив: это заканчивается парадоксом».

Это применение *различия к различию*, о котором говорит Луман в данной цитате, и есть та наблюдательная процедура, которую проделывает Персей (Луман), когда при помощи зеркального щита наблюдает (различает) и себя как наблюдателя, и свой объект наблюдения — Медузу Горгону.

Но этот вид наблюдения требует высокой степени рефлексивности и обычно описывается как *re-entry*, повторное вхождение наблюдателя в область, которую он отделил от себя посредством того или иного различия. Так социолог наблюдает общество, а затем обнаруживает там себя как часть этого общества, наблюдающего общество.

Однако повседневная коммуникация менее притязательна. Коммуникативная система — в ее самом простом определении — это последовательность подсоединяющихся друг к другу (осетевленных, рекурсивных) событий-коммуникаций. Подсоединение событий-элементов осуществляется не случайным образом, а следуя логике наблюдения (= самоотличения системы от всего того, что системой

не является). *Бинарные коды истины/лжи, власти/безвластия, денег/безденежья, веры/неверия* — через некий процесс раскодирования посредством системных программ¹ — делают возможным подобный самоотбор системами своих собственных элементов. Именно это определяет границы системной *сцены*, на которой и проигрывается коммуникативная драма.

Но каковы средства описания этой сцены, позволяющие нам осуществить ту самую стенографию или сценописание, о которой говорится в тексте Лумана, и при этом не впасть в ступор и оцепенение, вызываемых возникающим парадоксом? Ведь наблюдатель *раздваивается* в таком самонаблюдении системы в форме *ge-entry*. Он высказывается на сцене (как исполнитель системной программы выступлений), и одновременно — как критик и наблюдатель этого выступления — выносит свое суждение из перспективы зрительного зала.

Это раздвоение наблюдателя непосредственно выражено в структуре системно-коммуникативной теории, включающей в себя дополнительный теоретический комплекс — теорию самоописания. Речь здесь о некой *добавочной* части социальной теории, не входящей в ее классические традиционные формы, объясняющие три фундаментальных социологических темы: *социальный порядок, дифференциацию и развитие общества*.

Эта добавочная часть и есть теория самоописания обществом самого этого общества. Отсюда, собственно, и происходит название главного труда Никласа Лумана «Общество общества» [Луман 2011].

Классическая теория общества решала три ключевых проблемы: проблему *социального порядка*, или социальной интеграции; реконструирование процессов *социальной дифференциации*; описание социального развития, или модернизации.

Системно-коммуникативная теория, конечно же, отвечает этому структурному паттерну, но выводит его из смыслового характера всякого коммуникативного сообщения, и этим показывает неслучайность этих классических проблемопостановок.

Так, всякая коммуникация решает вопрос о том, *с кем* коммуницировать (социальное измерение смысла), *о чем* коммуницировать (предметное измерение), а также о том, какие ретроспективы и перспективы ориентируют коммуникацию во времени (темпоральное измерение).

1 В науке — это теории и методы, в политике — политические программы, в искусстве — стили, в интимных отношениях — литературные романы, в экономике — цены. Цены определяют, покупать или продавать, политические программы определяют, голосовать или не голосовать, исследовательские программы делают возможной акцептацию или отклонение научного утверждения, а стили в искусстве — атрибуцию арт-объекту статуса произведения искусства.

Принятие или отклонение всякого запроса на контакт (и, как следствие, системообразование) зависит от *понимания* того, какие значения в данных горизонтах будут приписаны некоторому конкретному сообщению. Сообщение может быть своевременным и перспективным для развития коммуникации, но если оно сделано недостойным контрагентом, то может быть отклонено по этому последнему основанию. Но может быть и по-другому. Сообщение может не иметь никакой временной или предметной актуальности, как старый анекдот, но оно акцептируется, и значит, встраивается в систему как ее операция — по мотивам солидарности.

Эта фундаментальная трехмерная структура смысловой оценки всякого коммуникативного акта воспроизводится и в структуре социальной теории. Конечно, теория самоописания во многом дублирует классические фундаментальные темы социальной теории, но дополняет каждую историей развития семантики, а главное — сравнительной перспективой. В этом смысле социальная теория дополняется философской, эпистемологической, литературно-исторической, лингвоаналитическими рефлексиями классических проблем *социальной теории*, о структуре которой в ее лумановском исполнении скажем несколько слов. Последняя подразделяется на теорию коммуникативных медиа (власти, денег, истины, веры, любви и т. д.) как способов обеспечить общественный консенсус; включает теорию социальной дифференциации, где каждая обособившаяся система специализируется на собственном *предмете* или задаче; а также теорию социальной эволюции, объясняющую механизмы общественного развития как адаптацию системы к условиям внешнего мира.

213

Возникает вопрос, почему эта классическая трехчастная теория должна быть дополнена «сценоописанием» (сфеноописанием, стенографией, самоописанием)?

Не в последнюю очередь это можно объяснить тем, что всякая социальная теория и сама является текстом, исследованием, и в конечном счете — публикацией, специфическим коммуникативным актом, запросом на контакт, требующим акцептации и коммуникативного ответа, согласно означенной выше структуре горизонтов смысла и нормативным стандартам современной науки. Всякое теоретически ориентированное наблюдение (научная публикация) является наблюдением второго порядка, а значит — должно фиксировать не только предмет наблюдения, но и свои наблюдательные ресурсы, свои слепые пятна — видеть то, что обычный наблюдатель, как правило, не фиксирует — свои наблюдательные ограничения и условия, свои инструменты и методы наблюдения, а также должно определяться социальным контекстом, в том числе ориентироваться на группы поддержки (научные школы, журналы и т. д.) и группы оппонентов.

В этом смысле «Самоописание», пятая книга «Общества общества», как раз специализируется на этом самонаблюдении — на реконструкции семантики понятия общества, на том, как общество — в своих коммуникациях, религии, массмедиа, искусстве, политике, но сегодня прежде всего в оптике науки — смотрело и смотрит на само себя. Такое включение в корпус социальной теории «Самоописания» («сфенографии», «сценоописания»), как ее интегральной и соравноправной части с функцией описания становления, семантики и ресурсов самой теории общества, стало важной теоретической новацией.

Парадоксальность этого теоретического хода очевидна и, видимо, является реакцией на описанную выше парадоксальность самого общества. Вспомним, что и само общество (как предмет социальной теории) *включает* в себя все остальные социальные системы и одновременно является таковой социальной системой наравне с остальными — интеракциями, организациями и социальными движениями.

В этом смысле Луман выступает Персеем и в зеркале своей теории видит не только свой объект — Медузу Горгону общества, но и свое собственное наблюдение (системно-коммуникативную теорию), тем самым дистанцируясь от нее и ее объективируя.

214

Что дает операционализация парадокса

Что же приобретает метанаблюдатель, операционализирующий парадокс самоприменимости как щит Персея?

Во-первых, теперь наблюдатель получает возможность сравнивать различающиеся условия наблюдения, практикуемые в разных коммуникативных системах, сопоставлять бинарные коды различных систем: веру и истину, деньги и власть, прекрасное и любовь.

И, значит, он может фиксировать — функционально-значимое — *единство различений*, нерелексивно используемых наблюдателями первого порядка в качестве инструментов отбора своих системных операций.

Так, социальный теоретик, задействуя различение истины и лжи в анализе остальных системных медиа, фиксирует функциональное *единство* добра и зла, прекрасного и безобразного, власти и оппозиции в соответствующих коммуникативных системах. Их функциональное единство состоит в инструментальности данных бинарных кодов. Их функция в том, чтобы сделать возможной коммуникацию, которая сама по себе не реализовалась бы — как в высшей степени невероятная и не соответствующая мотивам и установкам действующих лиц.

Так, деньги — великое изобретение, обобщенное средство коммуникации, обеспечивающее безопасность, воспроизводство и даже желательность «*притязаний на чужую собственность*», каковыми по своей природе являются транзакции как главные элементы системы

хозяйства. А «страстная любовь» как бинарный код коммуникативной системы интимных отношений сделала вероятным свободный отбор партнера и заключения брака в условиях широкого выбора других претендентов и сопровождающих мотивов (экономических, политических, религиозных). Власть как политический бинарный код отбора общеобязательных решений обеспечила их акцептацию и подчинение им при всей обременительности этого для индивида.

Во-вторых, социальный теоретик наблюдает не только другие — инореферентно данные и сопредельные — социальные системы. В зеркале щита Персея отражены и его собственные — самореферентно данные — инструментальные ограничения. Фиксируя историю своих наблюдений, наблюдатель-Персей — почти в геделевском смысле — понимает принципиальную *неполноту* своих наблюдений, собственную *близорукость*, *неспособность* увидеть внешний мир в его непосредственности и доступности. Он понимает, что не может *посмотреть в глаза Медузе Горгоне невооруженным взглядом*. А значит, видит то, что обычные наблюдатели увидеть, как правило, не в состоянии — свои собственные наблюдательные инструменты, зеркало и щит Персея, то, что Хайдеггер называл «подручным».

Однако такая концентрация наблюдательных ресурсов на самих инструментах наблюдения требует особого рода рефлексии, анализа собственных «слепых пятен», возникающих во всяком наблюдении. Так, ученые отдают себе отчет, что научные теории предлагают лишь абстрактные модели мира, идеальные типы в их веберовском смысле. При этом мир сам по себе остается когнитивно-недоступным, или в крайнем случае неопределенным. И даже если вооружиться методами наблюдения второго порядка, посмотреть на то, что ускользает от наблюдения первичного наблюдателя, зафиксировать его слепое пятно, то и это не обеспечит полноценного доступа к реальности. Но в компенсацию это методологическое самонаблюдение дает нечто большее, а именно — понимание того, как *функционируют механизмы познания*.

В-третьих, не только ученые способны к операционализации парадоксов в форме наблюдения второго порядка. Также и морализаторы, политики, священники, художники или участники социальных движений применяют собственные бинарные коды для того, чтобы оценить научные достижения — конечно, не с научной точки зрения, но в контексте их собственной наблюдательной оптики, т. е. с точки зрения моральных, художественных, политических, протестных критериев и резонансов. Внутринаучное различие между истиной и ложью для этих систем несущественно. Различение *истины/лжи* открываются им как *в-себе-единый* инструмент строительства здания науки, в их собственных бинарных медиа представляющееся как благое или дурное, прекрасное или ужасное, дорогое или затратное, экологически опасное или политические подрывное.

Заключение

Итак, «сфенография» в ее специфическом смысле — это одновременно осуществляемое описание социальной сцены как из внутренней перспективы, в том виде, в каком она открывается самим актерам (участникам систем образования, науки, политики, экономики и т. д.), так и из внешней перспективы зрителя (ученого-социолога в его научных реконструкциях политики, экономики или самой науки).

Участник системы, наблюдатель первого порядка, дефинитивно «не видит того, что он не видит». И его слепое пятно — и есть сама бинарная форма, или способ его собственных наблюдений, различность и единство ее позитивных и негативных сторон. Причем в это различие встроена *асимметричность*. Участник коммуникации предпочитает позитивную сторону: только любовь, только власть, только истину, только прекрасное, только достойное, только деньги и власть. Другую — негативную — сторону различения может зафиксировать Персей как наблюдатель второго порядка: увидеть роль ошибок в науке, как Карл Поппер; значение оппозиции в политике; безобразного в искусстве; дефицита денег в экономике; недогматичности и расколов в религиозных коммуникациях.

216

Парализующие коммуникацию парадоксы самореференции возникают в случаях, когда наблюдатель постулирует единство какой-либо — претендующей на универсальность и всеохватность — области наблюдения. Как быть наблюдателю, который и сам является частью такой области? Как быть философу науки, представляющему науку о науке? Как описывать окружающую тотальность самовыделяющемуся из нее наблюдателю и не застыть в бездействии? Ведь применение бинарной оптики наблюдателя к ней самой в ее цельности и тотальности, а значит, и к конститутивному для системы наблюдению, *парализует* наблюдение.

Отсюда интерес к фигуре Дьявола, как парадигмального примера самообособляющегося наблюдателя. «Им движет только импульс — наблюдать то Единое, к которому он сопричислен, и именно это толкает его провести границу, через которую он сможет наблюдать, будь то как частный политик, советник или князь. Когда Единое есть Добро (и кто при дворе мог бы в этом усомниться), то наблюдатель, исключаяющий себя из наблюдения, становится Злом, и только тогда возможна игра в демаркацию, которой человек обязан сам себе».

Такова когнитивно-недоступная тотальность общества, представленная в образах Горгоны и наблюдателя-дьявола. Его наблюдательные парадоксы формально неразрешимы, но перформативно осуществимы и этим реализуют функцию системной рефлексии: истинно ли или ложно само различение истинного и ложного? Должен ли наблюдатель — теоретик познания — использовать раз-

личение истинного и ложного при анализе того, как применяется различение истинного и ложного в науке; должен ли морализатор использовать различение добра и зла применительно к различению добра и зла? Морализаторство и само, как известно, морально небезупречно; и не совершает ли грех тот, кто наказывает за грех?

В образе Персея представлен ученый, возможно и сам Луман, который смотрит в зеркало собственной теории и обнаруживает там себя, полемизирующего с другими наблюдателями, как из сопредельных коммуникативных систем, так и из его собственной. Да и сам пример Лумана лучше всего показывает, что парадокс самоприменимости не является препятствием для познания, но, напротив, расчищает место для исследовательской работы. Это и есть свобода творчества — «белый лист бумаги, молчание»¹ — делающая возможной темпоральность системы, продолжение коммуникации и системный индетерминизм.

Библиография / References

Луман Н. (2011) *Общество общества*, М.: Логос. EDN: QCSKAN

— Luhmann N. (2011) *Society of Society*, M.: Logos. — in Russ.

Russell B. (1919) The Philosophy of Logical Atomism. Lecture 7, "The Theory of Types and Symbolism: Classes". *The Monist*, 29: 346–364.

Spencer-Brown G. (2008 [1969]) *Laws of Form*, Bohmeier.

Антоновский Александр Юрьевич — профессор философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института философии РАН. Научные интересы: социальная эпистемология, теория коммуникативных систем, социальная философия науки, социальная теория, современная теория познания. ORCID: 0000-0003-4209-8213. E-mail: antonovski@hotmail.com

Alexander Yu. Antonovskiy — Professor of the Philosophy Department of Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Chief Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Research interests: social epistemology, theory of communication systems, social philosophy of science, social theory, modern theory of knowledge.

ORCID: 0000-0003-4209-8213. E-mail: antonovski@hotmail.com

1 «Но действительно ли философы ищут их? И смотрят ли они на пустоту, на тишину, на белый лист бумаги как на необходимое условие для всякого различения чего-либо, для перехода, для непрерывности аутопоийетических операций, для формообразования, для образования систем?» — пишет Луман.